

ПУШКИН И ЛЕГЕНДА О «МИТРИДАТОВОМ ГРОБЕ»

Пушкин три раза на протяжении пяти лет упоминает о «Митридатовом гробе» в своих трудах: 1) в письме Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г. из Кипинева («Митридатов гроб», XIII, 13*); 2) в неоконченном стихотворении 1821 г. «Кто видел край, где роскошью природы...» («могила Митридата», II, кн. 1, 190); 3) в письме А. А. Дельвигу от XII. 1824—XII. 1825 гг. из Михайловского, позднее (1830 г.) приложенном к поэме «Бахчисарайский фонтан» («Митридатова Гробница», XIII, 250; IV, 175).

Уже первое из этих трех упоминаний ставит перед исследователями целый ряд вопросов: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапее, думал я — на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю» (XIII, 18).

Письмо свидетельствует, что у Пушкина еще до приезда в Керчь сложилось ошибочное представление о том, что в Пантикапее находилась могила царя Митридата. Об этом говорит самый синтаксический строй пушкинской фразы («Здесь увижу я... здесь увижу я...», «думал я...увидел я») **. Об этом говорит и поэтический образ из стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...», создававшегося в конце 1820—начале 1821 гг.: «И зрит пловец — могила Митридата / Озарена сиянием заката» (II, кн. 1, 190). С моря вершину горы Митридат в лучах предвечернего солнца Пушкин видел только один раз — между 5 и 8 часами вечера 15 (27 по н. ст.) августа 1820 г. с палубы парусника, приближавшегося к Керчи. И указанный поэтический образ мог родиться только в сознании наблюдателя, отождествляющего гору Митридат с могилой одноименного царя.

Керчь раньше остального Крыма вошла в состав России — еще в 1774 г. по Кючук-

Кайнарджийскому мирному договору с Турцией. Именно после этого гора в центре города (высота 91 м) получила новое название — Митридат. Ясно, что название это было рождено легендой. Но ясно также и то, что в последующем в устной традиции уже это название горы именем Митридата в свою очередь стало фактором, самым решительным образом поддерживавшим легендарную версию. Безусловно, укрепляю эту версию и то обстоятельство, что на вершине Митридата располагалось реальное кладбище, которое использует в своем описании как ориентир Пушкин — «на ближней горе посередине кладбища». Это старое христианское кладбище, образовавшееся на вершине горы через 100—150 лет после падения Пантикапея (1, с. 80), фрагменты которого неоднократно упоминают в описаниях остатков акрополя археологи пушкинской поры (2, с. 21, 23). Следы этого кладбища керчепская земля сохранила и поныне между современными улицами Второй и Первой Митридатскими. Тем самым в массовом сознании начала XIX в. вершина Митридата устойчиво связывалась с местом захоронений, а в этом контексте и легенда о могиле Митридата оказывалась весьма правдоподобной.

Наконец, последним аргументом в пользу того, что с легендой о могиле Митридата Пушкин познакомился до приезда в Керчь, является господство среди жителей города той поры совершенно иной версии, связанной с массивными пирамидального вида выходами скального известняка на вершине горы, формой напоминавшие вырубленное в камне сиденье. Предположение, что это могли быть остатки «гроба Митридата», несомненно, является более архаическим. Оно не выдерживает никакой исторической критики: убитый в Пантикапее, Митридат был похоронен на фамильном кладбище в Синопе. Об этом свидетельствует ряд исторических источников (Аппиан, Страбон, Плутарх и др.). По крайней мере с 1811 г., когда в Керчи появляется П. А. Дюбрюкс, об этом должна была узнать общественность города, что кладет конец старым предрассудкам.

Письма Пушкина свидетельствуют, однако, что вдали от Керчи архаическая легенда о «гробе Митридата» продолжала бытовать.

* Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина с указанием римской цифры тома, арабской — страницы даются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. — АН СССР, 1937—1949.

** Здесь и далее в цитатах подчеркнута нами, разрядка — цитируемого автора.

Иногда высказывается мнение, что источником этой легенды для Пушкина и его современников была не история, а литература — трагедия Жана Расина «Митридат» (1672 г.). Но это мнение опровергает сама трагедия, местом действия которой является не Пантикапей, а Нимфей, ко всему еще географически перенесенный драматургом из окрестностей Керчи к стенам Херсонеса Таврического — с крайнего востока на крайний запад Крыма. Наконец, в финале трагедии заколовший сам себя Митридат является свидетелем своей неожиданной победы над неверным сыном Фарнаком и римлянами. Умирая, он наказывает принесшему ему своей верностью победу сыну Кифаресу:

Предай немедленно мой бранный прах
сожжению:
 Довольно вражьи тел разбросано кругом.
 Чтоб ложем стать моим и жертвенным
костром.
(3, с. 135).

Таким образом, согласно трагедии Ж. Расина тело Митридата было кремировано. Раумеется, все это оставляет простор для версии если не о гробе, то хотя бы о месте погребения, но сама трагедия об этом умалчивает.

Как мы уже сказали, историческая критика, у истоков которой стоят кропотливые разыскания П. А. Дюбрюкса, убивает архаическую версию, но ей на смену приходит другая — скальные выходы со следами обработки объявляются «креслом Митридата»*. Это мнение получает настолько широкое распространение, что даже в работе П. А. Дюбрюкса (2, с. 21) или на схеме-реконструкции Пантикапея И. П. Бларамберга (рис. 1) центральное место горы Митридат носит условное название «так называемого Митридатова кресла». Посещение «кресла Митридата» становится обязательным элементом осмотра достопримечательностей Керчи. Например, его описывает в своих «Путевых записках» Г. В. Гераков, прибывший в Керчь в тот же вечер, что и Пушкин, и поднявшийся на вершину горы почти в те же часы, что и поэт: «Мы восходили на гору и видели то

* Отметим примечательный факт: присобившись к обстоятельствам, легенда о «гробе» в бытовом сознании горожан дожила до наших дней. Коренные керчане свидетельствуют, что еще в 50-е гг. «могилой Митридата» называли одно из мест неподалеку от вершины горы. Сама же гора зачастую воспринималась как надгробный курган великого царя.

место, где, как говорят, Митридат, Понтийский Государь сиживал. Я сел на сии большие кресла, красно иссеченные из дикого камня в скале, и окинул взором вокруг себя. Прелестная и величественная картина! Но какой ученый и прученный уверит меня, что это был точно трон Митридата? Чем докажет, что сей Царь, на чистом воздухе восседая под облаками, давал расправу и готовился на брань? — Однако и мне кажется, что по горам существовала ступа, сделанная от набегов хищных народов. Но — полно: кажется, я не за свое берушь; есть схоластики, им предоставлено писать диссертации, или подробные пыскания» (4, т. 1, с. 119).

Позднее неподалеку от вершины горы Митридат были найдены еще два скальных выхода, напоминающие формой каменные сиденья, которые получили название второго и третьего «кресел Митридата». Соответственно скала на вершине горы стала называться «первым креслом Митридата».

Устная легенда, связанная с пребыванием Пушкина в Крыму, естественно, гласит, что во время знакомства с Керчью поэт сидел в так называемом «кресле Митридата», обозревая панораму города и пролива. Что касается видов, открывающихся с вершины горы, то их величоление в один голос подтверждают все путешественники той поры. Г. В. Геракова мы уже цитировали, приведем слова И. М. Муравьева-Апостола, побывавшего в Керчи через два месяца после Пушкина: «С горы над самым городом открывается вид предестнейший на Воспор: берега, коса, излучистые заливы Тамана рисуются в отдалении, как картины панорамы» (6, с. 262). Но сидеть в «кресле Митридата» Пушкин не мог, т. к. его собственные свидетельства ясно говорят, что он прибыл в Керчь и поднялся на Митридат с совершенно другой версией — «гроба» поштийского царя. Что же произошло дальше? Может быть, с версией «кресла» Пушкин, познакомившись уже на вершине, как это было с Г. В. Гераковым?

Пушкин очень точно описывает вершину горы Митридат, являющуюся центром исторического акрополя города Пантикапея. В его времена остатки стен акрополя и некоторых его строений были еще достаточно хорошо заметны на поверхности. Они значатся на реконструкции 1827 г. И. П. Бларамберга (см. рис. 1), их подробно описывает в своем труде начала 30-х гг. XIX в. П. А. Дюбрюкс:

Вторая стена акрополиса с восточной стороны шла сначала довольно прямо к югу, потом закругляясь немного, упиралась в скалу (Митридатово кресло). Эта скала была сигнальной башней; на ней до сих пор сохранилось место для маяка. К этой скале ведем ступени. Позади кресла, с восточной стороны, видны два ряда обломков обтесанных скал, вероятно на этом месте была крепость, господствовавшая над всею равниною» (2, с. 22).

Как видим, пушкинское описание полностью, в деталях накладывается на скрупулезное повествование археолога: груда камней, высеченные утесы, несколько ступеней, древнее основание башни — все находит себе параллели в тексте П. А. Дюбрюкса. Поэт как всегда удивительно точен в передаче увиденного. Приведем частный, но весьма характерный пример. Говоря об археологических памятниках Митридата, Пушкин указывает — «на ближней горе». Действительно, гора Митридат является «ближней» по отношению к городу Керчи, который расположен у ее подножия, а также к выстроеному на ее склонах «генералитетскому дому», в котором Раевские остановились.

Но Пушкин точен в передаче не только увиденного, но и услышанного. Нам неизвестно «экскурсовод», сопровождавший его по Митридату. Но одно можно утверждать определенно: у Пушкина и у Г. В. Геракова, поднимавшегося на гору в тот же вечер и почти в те же часы, «экскурсоводы» были разные. К чести пушкинского следует отметить, что он категорически проигнорировал легендарную версию о троне Понтийского царя, которой так много места уделял в своих «Итэвых записках» Г. В. Гераков. В пушкинских откликах мы не встречаем даже намёка на эту легенду. Но столь же решительно провожатый поэта отверг привезённую им легенду о «гробе». В письме Пушкина «грубо высеченные утесы» связываются не с «гробом» и не с «троном», а с «башней», «древним основанием» которой они могли бы быть. Но использование древними строителями обтесанных скал в качестве основания для башен было новейшим и очень важным открытием той поры, которое П. А. Дюбрюкс положил в основу своей хронологической классификации археологических памятников Керчи (2, с. 16—17). При этом внимание Пушкина на скальные затесы должно было быть кем-то обязательно обращено,

т. к. для непрофессионального взгляда они практически незаметны, что отмечал П. А. Дюбрюкс: «Скалы, лежащие на вершине, так грубо обтесаны, что с трудом можно заметить труд человека... Многие не признают развалин, означенных у меня на плане, но это происходит от того, что они не хотят обратить должного, даже если можно так сказать мелочного внимания на предметы их окружающие» (2, с. 18).

Это все свидетельствует о высокой квалификации пушкинского провожатого. Остается сожалеть, что мы не знаем его имени. П. А. Дюбрюкса в Керчи не было. Это мог быть Н. Ю. Патиноти (в том случае, если он не сопровождал в «экскурсии» Г. В. Геракова) или кто-то третий. Он познакомил поэта с реальным памятником, без прикрас и легенд, посвятив его в археологические тонкости. Важным итогом этого знакомства стало то колебание, которым заканчивается в письме рассказ о посещении Митридата: «Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю».

Научная трактовка развалин Митридата явно разочаровала Пушкина. По прибытии в Керчь поэт торопится на встречу с легендой: «Я тотчас отправился на так называемую Митридагову Гробницу...» (XIII, 250). Легенда будила его романтическое воображение и помогала творить. В стихотворении, работа над которым началась 2—3 месяца спустя, поэт положил в основу поэтического образа именно легенду («могила Митридата»), хотя уже знал правду. Археологическая реальность, убивая вымысел, убивала воображение поэта-романтика. «Впечатления Пушкина от античного городища примерно такие же, как у любого рядового посетителя. Ждут чего-то значительного; выразительного, ясную и цельную картину ушедшей жизни, а видят всего-навсего обрывки кладок, разбитые кирпичи, черепки. Ведь археологи, как правило, имеют дело лишь с жалкими остатками зданий, со следами древнего быта, порой даже со «следами следов» (5, с. 30). Пушкин, к художественному освоению такой ярочайшей реальности был еще не готов. Над ним сохраняли власть им самим сформулированный закон романтического творчества: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (XIII, 252). Весь «Отрывок из письма к Д.» тому иллюстрация: на вершине Митридата поэт «со-

рвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления» (XIII, 251). И далее не менее красноречиво: «Развалины Пантикапей не сильнее подействовали на мое воображение» (там же). В черновом тексте «Отрывка» после упоминания «Митридатовой Гробницы» следовало не менее выразительно: «воображение мое спало, хотя бы одно чувство, нет» (VIII, кн. 2, 999).

В 1824 г. в Михайловском Пушкин «с чрезвычайным удовольствием» прочел книгу И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» (XIII, 250), о которой мы уже упоминали. В этой книге не только было подробно рассказано, когда, где и как был похоронен Митридат, но и подвергнута уничтожающей критике новоявленная легенда о «троне-кресле»: «Здесь (на горе Митридат.— В. К., Э. Я.) остались развалины огромных цоколей, может быть служивших портиками Царских чертогов. Одному из них присвоено имя Кресел Митридатовых без всякой другой причины, кроме той, что непременно хотелось найти здесь какой-нибудь памятник значительшего из Царей Воспорских: сии же развалины столько на креслы похожи, как и на стол и на все то, в чем не рассудок, а воображение будет открывать намерение и цель. Впрочем на этой самой горе есть и другие подобные развалины: то и их бы уж назвать хотя скамьями Фарнака, Махариса и Монины» (6, с. 263).

После знакомства с книгой И. М. Муравьева-Апостола Пушкин окончательно расстаётся с легендой о «гробе»* и в написанном следом «Отрывке из письма к Д.» уже однозначно укажет: «И тотчас отправился на так называемую Митридадову Гробницу (развалины какой-то башни)...» (XIII, 250—251). «Гробница» стала «так называемой», подлинное предназначение увиденного — «развалины какой-то башни» — указало в скобках сразу после вымышленного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марченко И. Д. Город Пантикапей. Симферополь: Таврия, 1974.
2. Дюбрюкс П. А. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море //

* Это наблюдение подсказано нам ведущим отделом Керченского государственного историко-культурного заповедника С. В. Механиковым.

В крымских строфах «Путешествия Онегина», написанных в 1829 г., легенда о «гробе» не будет уже даже упомянута. Игнорирование ее особенно показательно на фоне достаточно трудных поисков окончательной редакции «керчесского» стиха. Поиски эти, скорее всего, основаны на сведениях, почерпнутых из книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» (6, с. 292—295). Поэт сначала записывает: «Там отравился Митридат» (VI, 487). Но Пушкин знает, что принятый им не подействовал на привычного себя и отравам царя и тому пришлось просить подданных заколоть его, чтобы не оказаться в позорном плену. Появляется промежуточная редакция: «Там умер гордый Митридат» (там же). Она фактически точна, но лишена выразительности и конкретности. Эту редакцию в окончательном тексте заменит исторически достоверный и одновременно поэтически яркий факт: «Там закололся Митридат» (VI, 499).

В качестве варианта прорабатывался зрительный образ города Керчи и горы Митридат, который задал поэту в душу на палубе парусника в далеком 1820 г. В стихотворении 1821 г., как мы уже отметили, этот образ связывался с легендой о «гробе». В «Путешествии Онегина» легенду заменяет география:

Он видит Керчь уединенный
На Митридадовом холме (VI, 487).

В Крыму начался процесс расставания с миром романтической легенды. История «Митридатова гроба» тому пример. Именно поэтому в «Путешествии Онегина» рассказ о пребывании героя в Тавриде стал поводом для разговора о «прозаических бреднях» и «пестром соре» «фламандской школы». Именно поэту в ноябре 1836 г. Пушкин, имея в виду Крым, напишет: «Там колыбель моего «Онегина»...» (XVI, 395).

3. ЗОИИД. Одесса: 1880. Т. 4.
4. Расин Ж. Митридат. Трагедия в 5-ти действиях // Расин Ж. М.: Искусство, 1984. Т. 2.
5. Герасков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям. В 2-х тт., Петроград, 1828—1830.
6. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога.— М.: Наука, 1979.
7. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде. В 1820 году. СПб., 1823.

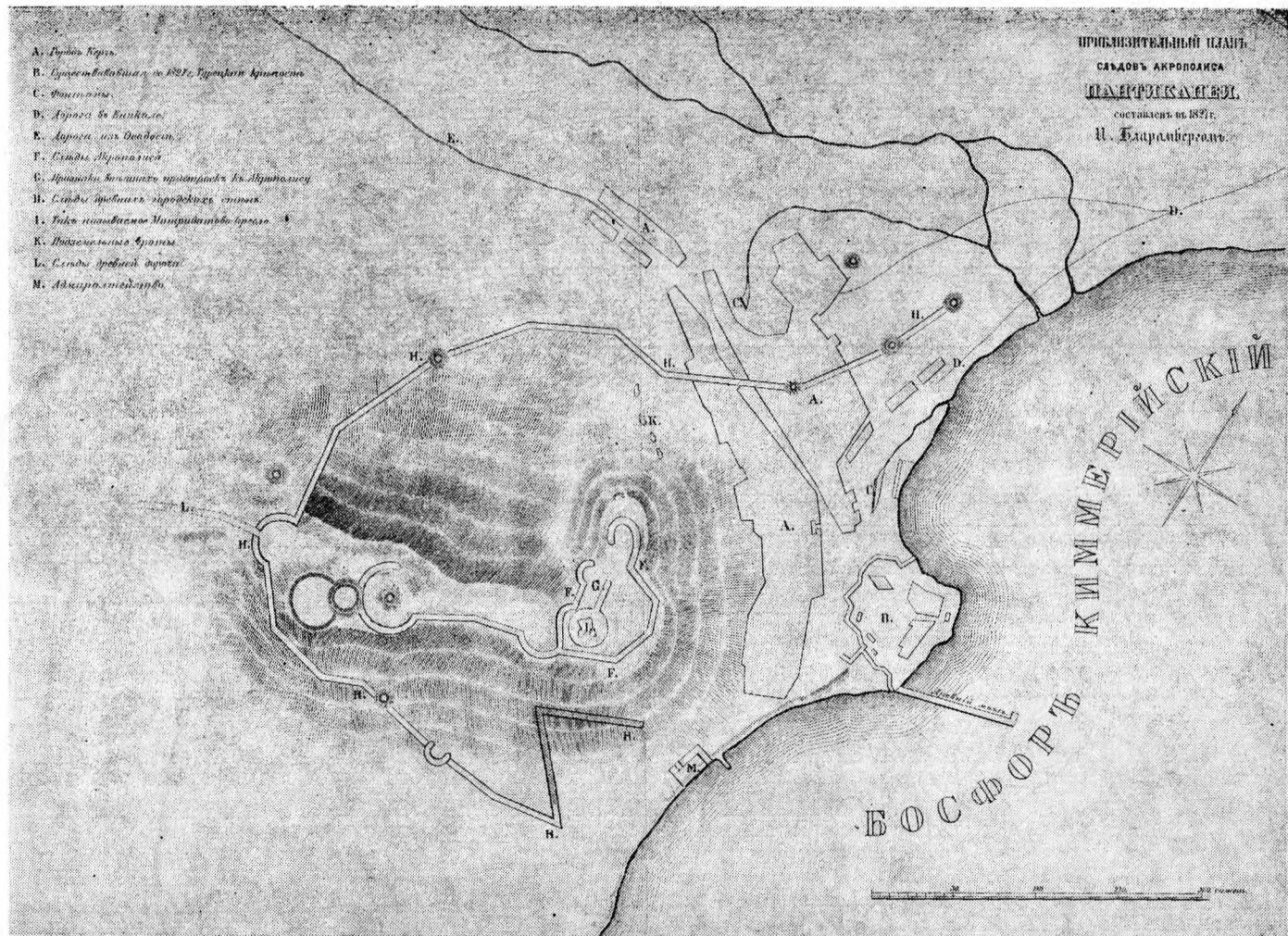

Рис. 1. Приблизительный план следов акрополиса Пантиканеи. Составлен в 1827 г. И. Бларамбергом.— Из кн.: Записки Одесского общества истории и древностей.— Одесса, 1860.— Т. 4.— Табл. II.